

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЙ¹

Исторические поколенческие общности в России всегда имели большое значение и были первичной формой самоидентификации личности (поколение декабристов, разночинцев, революционеров). Детерминированность как фатальная зависимость индивидуальной судьбы от исторической локализации всего поколения закреплена в русском языке лингвистически. В нем есть только одно слово для обозначения жизненного пути – «судьба», тогда как, например, в английском существуют два понятия: «fate» (фатальность, рок, обреченность) и «destiny» (предназначение, выбор своего пути, жребий). Поэтому историческая предопределенность индивидуальных жизненных путей более ощутима. На протяжении десятилетий авторитарного общества советского типа и ограниченности возможностей индивидуального выбора закономерной была заданность «исторической судьбы» людей одного поколения (построение жизни согласно принципу «иного не дано»). Неудивительно, что в период кризиса всех советских идентичностей с большими социальными группами

¹ Эмпирической базой статьи послужили в основном всероссийские мониторинги общественного мнения ВЦИОМ последних лет, и прежде всего исследование, проведенное в августе 2001 г. по стандартной выборке (1600 чел.). В этом исследовании кроме обычных вопросов мониторинга был заложен также блок вопросов, касающихся поколенческой проблематики. В статье уделено особое внимание анализу ответов на два открытых вопроса: «Людей какого возраста вы бы отнесли к своему поколению?» и «Как одной фразой вы могли бы охарактеризовать людей своего поколения?». Первый вопрос позволил эмпирически выстроить возрастные границы поколений с точки зрения их субъективного самоощущения респондентов. Ответы на второй вопрос позволили качественно описать людей, принадлежащих к разным поколениям с точки зрения их социального самочувствия. В дальнейшем речь идет именно об этом исследовании, если источник данных не указан дополнительно.

«солидарность с людьми своего поколения» – единственная, которая сохранила свою значимость в общественном сознании.

Таблица 1 демонстрирует, что идентичность со своим поколением существенно значима для большинства в каждой возрастной группе, несколько усиливаясь в крайних из них.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Как часто вы чувствуете себя человеком своего поколения!» (%)**

Вариант ответа	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Всегда	57,5	44,5	46,5	47,2	56,1
Часто	27,2	31,9	24,7	29,6	20,4
Редко	6,9	11,8	14,8	10,2	6,2
Никогда, почти никогда	0,6	0,0	2,9	1,1	3,0
Затрудняюсь ответить	7,8	11,8	11,1	11,9	14,3

Общий принцип социологического анализа поколений, заложенный К. Мангеймом, состоит в дифференцированном подходе к ним как относительно автономным социальным общностям, объединенным общей исторической судьбой и соответственно общим историческим опытом.

Мангейм различал также внутреннюю дифференцированность поколения как опыт отдельных групп (например, ядро поколения и аутсайдеры, противоположные культурные и политические союзы внутри него, степень идентичности с отдельными группами поколения). Сложность межпоколенного подхода к социальным изменениям состоит, по его мнению, в том, что достаточно трудно установить **формальные границы** постоянно сменяющихся генераций, а также соотнесенность межпоколенных различий с другими видами социальных дифференциаций [10]. Для Мангейма наиболее важным было раскрытие механизма формирования единства поколения, понимание истоков его солидарности, «коллективной судьбы», как сказали бы

мы теперь. Первая социологическая попытка анализа социально-исторического процесса как смены последовательно появляющихся поколений, осуществленная Мангеймом, не потеряла своей актуальности и в настоящее время, хотя эмпирические исследования свидетельствуют о сложности согласования теоретической модели с социальными реалиями [11].

В рамках статьи основное внимание сосредоточено на описании поколения как сходного жизненного опыта возрастных поколений, трансформирующегося по мере перехода от одной жизненной стадии к другой. При этом понятие динамики жизненного пути от отрочества (наиболее важного, «формативного» периода в становлении поколения как общности) до старости становится центральным при выстраивании моделей (или паттернов) поколений [10].

На основе такого подхода представлен описательный анализ социально-исторических характеристик условных поколений «дедов», «отцов» и «детей», составляющих современную возрастную стратификацию российского общества.

Для построения статистически обоснованных моделей поколений в России не хватает долговременной статистической информационной базы. Поэтому основой типизации будет служить сходная матрица жизненных практик людей, принадлежащих к приблизительно одной возрастной группе. Такие практики нормативно закрепляются в определенной конфигурации общего биографического пути поколения (когда и как получать образование, жениться, менять место жительства, сколько иметь детей и т.д.). В обобщенном портрете поколений основной упор будет сделан на описании особенностей жизненного пути и поведенческих характеристиках в период последнего пятнадцатилетия, а также на описании кризиса и ломки жизненных ценностей под влиянием социально-исторических изменений. Культурные и социальные доминанты поколений будут представлены как следствие определенных социально-исторических условий в период формирования жизненного потенциала поколений.

ЖИЗНЕННЫЕ ПУТИ И СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПОКОЛЕНИЙ

Обычно выделяют четыре основных социально-исторических типа поколений в российском обществе: дореволюционное (1900-е годы рождения), советское (20-е годы рождения, «деды»), среднее (50-е годы, «родители») и «дети» (70-е годы) [6]. Поскольку «дореволюционная генерация» уже не является статистически значимой в силу демографических причин, мы исключаем его из данного описания.

Советское поколение (приблизительно 20-е годы рождения) – те, кто вступил в активную социальную жизнь в 30-х годах и занимал ключевые позиции в экономике до середины или конца 60-х. Фактически это поколение можно охарактеризовать как «поколение индустриализации» [2]. Идеологизированная система образования в условиях жесткой информационной блокады способствовала распространению нормативно-ориентированной модели «советского человека». Эти люди подростками вошли в период демонстрации побед советского строя; война со всеми ее бедствиями осталась в массовом сознании «осевым событием» – пиком героического периода истории страны, кульминацией силы и единства державы. Героем этого поколения был «строитель государства нового типа», по социальному статусу – преимущественно промышленный рабочий с «деревенской» ментальностью в своей генеалогии (более чем у 80% этого поколения родители были выходцами из деревни) и с «державным» типом идентичности (исходящим из ассоциации себя с государством, Россией в целом). Исследователи считают это поколение носителем «проекта коммунистической модернизации России».

В исследовании представители этой возрастной группы ассоциировали себя с теми, кому 60–90 лет. В открытом вопросе они определяют свое поколение, прежде всего, в связи с его социально-исторической локализацией. По их мнению, общая

судьба поколения основана на том, что они — «люди военного времени», «дети войны», «люди, пережившие многое»; они называют себя также «поколением крестьян» или «стахановцами». Закономерно, что данная возрастная группа демонстрирует наибольшую приверженность ценностям советского строя и испытывает естественную ностальгию по нему.

Социальные и экономические стрессы последнего времени, и прежде всего разрушение системы социальной защиты в ее прежнем виде (сокращение сферы социальной помощи как сферы социальных льгот и бесплатных услуг, низкий уровень пенсий и их несвоевременная выплата во многих регионах России), привели к существенному ухудшению положения старшего поколения. Теперешнее социальное самочувствие этой генерации вытекает из ощущения своего положения на обочине социальной жизни. Эмоциональная самооценка состояния явно негативна: преобладает состояние угнетенности, близкое к самоощущению социальных изгоев. В ответах на открытый вопрос в этой возрастной группе преобладали характеристики (перечислены по степени распространенности): «никому не нужные», «всеми забытые», «обманутые», «беззащитные», «замученные», «больные».

Хотя, с другой стороны, опрошенные выделяют также блок личностных характеристик, демонстрирующих их гордость за свое поколение и его прошлые достижения. Они называют себя «тружениками», «порядочными и ответственными людьми», «патриотами», «людьми старой закалки», «последними порядочными людьми, много лучше, чем теперешние».

Среднее поколение (приблизительно 50-х годов рождения), которое условно можно назвать «родители», находится в жизненной стадии активного участия в социальных процессах как в сфере производства, так и в системе власти. Недаром для своей субъективной оценки они чаще других называют характеристики «труженика», «работоголика», «добросовестного» и «трудолюбивого» человека.

Это поколение исследователи считают «средним» [2] не только в возрастном отношении; оно стало «средним звеном», определяющим сам характер перехода от коммунистической к либеральной модернизации. Социокультурный тип этого поколения также сформирован в рамках «коммунистического проекта», но в период перехода к индустриальному обществу и массовому образованию. Бурно росли крупные города, формировалась городская культура, наступала эпоха информационного общества (появление телевидения, начало полетов в космос). В сознании этой генерации тесно переплетены социалистические и либеральные идеалы; тяга к прогрессу, с одной стороны, и интерес к своим культурно-историческим корням – с другой. Этот интерес был закономерным следствием не только высокого уровня образования среднего поколения, но и существенно более благоприятных, чем у их «отцов», политических и экономических условий социализации. Однако в силу сужения рамок социальных возможностей и закрытого характера социальной мобильности в начале 70-х годов происходит переориентация поколения на частную сферу, семью, потребление. Отличительными чертами ценностной базы генерации стали «литературоцентризм», критический настрой по отношению к власти и ориентация на «постматериалистические» ценности (в соответствии с терминологией Р. Инглехарта, это означает комплекс интеллектуальных, эстетических и нравственных ценностей).

Кульминационными событиями жизненного пути среднего поколения стали два «критически-либеральных пика» – «оттепель» 60-х годов, под влиянием которой происходила его социализация в формативный период, и расцвет политики гласности конца 80-х – начала 90-х годов (хотя в обоих процессах поколение выступило как объект воздействия, а не как субъект участия). В ходе экономических реформ начала 90-х наблюдается активная культурная ресоциализация людей среднего возраста. Это проявилось как в социальном отношении – в волне нисходящих социальных перемещений, охвативших большую часть генерации, так и в культурном – как переосмысление при-

вычной культурной парадигмы и прежней ориентации на статусные достижения. Существенными были потери в социальном положении: средний возраст тех, кто «потерял в статусе» в период реформ, составил 47 лет.

Поколение теперешних 40–50-летних можно назвать «потерянным» в волнах трансформации и «борьбы за выживание». В данном случае ресоциализация произошла не в формативный период, а на более поздних стадиях жизненного пути. Социальным результатом этого стала массовая маргинализация поколения. В целом его можно назвать **поколением социокультурного перелома**. Однако оно не стало массовой основой или социальным субъектом для проведения институциональных преобразований, а попало «в расщелину» между двумя тенденциями, при этом общая культурная доминанта – тяготение скорее к традиции, чем к новациям.

В результате социальное самочувствие людей среднего возраста свидетельствует о глубоком социально-эмоциональном кризисе, который сказывается и на социальном здоровье поколения как одном из показателей его человеческого потенциала. Даже в группе 40–50-летних определение себя как «стариков, пожилых людей» встречается чаще, чем самоотнесение к «людям среднего возраста». В более старшей группе 50–60-летних относят себя к старикам в 2,5 раза чаще, чем к людям среднего возраста. Социальный и ценностный излом последнего десятилетия привел к преждевременному ощущению социальной старости.

Социологические данные свидетельствуют о том, что среди людей так называемого среднего возраста наблюдается существенная внутренняя дифференциация как следствие различий в субъективном переживании своего прежнего биографического опыта и теперешнего положения. Опрошенные ассоциировали себя не столько со всей группой «среднего возраста», сколько более узко – с людьми определенного десятилетия².

50–60-летние скорее склонны воспринимать себя жертвами перестройки, испытывающими ностальгические чувства по

отношению к несостоявшемуся прошлому. По социально-исторической локализации они ассоциируют себя прежде всего с «детьми войны», с «советскими людьми», «комсомольцами», «людьми, выросшими при советской власти». Разрыв между высоким человеческим потенциалом поколения, с типично советским менталитетом, и возможностями для его реализации оказал наиболее болезненное влияние на поколение. Социальный перелом и последующая трудная ресоциализация в состоянии уже зрелого возраста заставила этих людей состариться раньше времени. В социальном самочувствии преобладают негативные оценки и переживание страдания: «терпеливое», «измученное», «обманутое», «выносливое» поколение. Хотя наблюдается и определенный социальный оптимизм, связанный в основном с прошлыми надеждами: «поколение энтузиастов», «люди с опытом», «патриоты», «порядочные люди», «труженики», в целом преобладает пассивное состояние «принесенных в жертву».

40–50-летние в своем социальном самочувствии близки к этой более старшей группе, но чаще других демонстрируют раннюю социальную усталость и чувство «потерянности» поколения, находящегося на переломе двух эпох. Социально-исторически локализуя свой социальный опыт, они определяют себя как «строителей коммунизма», «людей брежневской

² Мы уже упоминали о сложности формализации границ поколений. Теоретическое различие чисто возрастных (циклически повторяемых) и поколенческих (в принципе необратимых) сдвигов в обществе не всегда находит подтверждение в социальной практике. Так, в исследовании ВЦИОМ респондентам был задан открытый вопрос «Людей в каком возрасте вы бы отнесли к своему поколению? Это люди каких лет?». В следующем вопросе предлагалось коротко охарактеризовать людей своего поколения: «Как одной фразой вы бы могли охарактеризовать людей своего поколения?». В результате статистической обработки значимыми поколенческими интервалами в массовом сознании оказались: 20–24 года, 26–30, 30–40, 40–50, 50–60 и 60–90 лет. Примечательно, что в молодежной группе 18–29 лет 30% опрошенных выделили себя в более узкую группу 15–20-летних, что совпадает с нашим дальнейшим разделением молодежной группы на старшую и младшую.

эпохи», «поколение 70-х годов», «романтиков перестройки» и «жертв перестройки». Очевидно, их прошлый социальный опыт неоднозначен и противоречив, что отражается в противоречивости их современного социального самочувствия. Меньшая, но более социально успешная часть считает, что люди их поколения «надеются только на себя», они «умные и мудрые», тогда как большая часть («социальные жертвы») употребляет определения – «безвольные и доверчивые», «брошенные государством на произвол судьбы», «духовные рабы». Наиболее остро ощущаются потери в материальном положении: эти респонденты характеризуют себя как «бедное, нищее поколение». В этом отношении социальная апатия и аномия проявляются наиболее ярко.

В самооценках группы *30–40-летних* чаще используются определения, связанные с новой экономической ситуацией: «устойчивые, стабильные», «предприимчивые», «деловые люди и предприниматели», «трудоголики». Встречаются и противоположные оценки: «поколение выживания», «растерянное». В этой возрастной группе распространены, прежде всего, характеристики – «надежные», «целеустремленные», «способные сами решать свои проблемы»; «умные, талантливые», хотя присутствует и ощущение своей социальной неостревобанности – «ненужные». В своем социальном опыте респонденты упоминают как «советское воспитание», «комсомольское прошлое», так и переходные черты – «поколение переходного времени» и «дети перестройки». Активный, субъектный потенциал этой возрастной когорты выражен наиболее ярко.

Как видно, социальный потенциал всех поколенческих союзов в рамках среднего поколения неоднозначен и фрагментирован внутри его отдельных групп. В целом это свидетельствует о том, что люди среднего поколения в разной степени испытывали противоречивое воздействие переходного периода, вместе с тем все его возрастные группы в своей теперешней взрослой жизни все еще находятся под социализирующим воздействием советской эпохи. Доминирующими моментами в их са-

мочувствии являются оценка соотношений между прошлыми потерями и теперешними личностными достижениями, а также определенный возрастной цикл. У более старших это определяет субъективное ощущение «преждевременной старости» и «принесения в жертву» (50–60-летние), у средних (40–50-летние) – «социальной усталости» и апатии, а у младшей группы среднего возраста (30–40-летние) – «устойчивой стабильности». Заметно также нарастание у более молодых ощущения собственной поколенческой активности как субъекта: от патерналистского по характеру восприятия себя в качестве «пассивной жертвы» до активной самооценки собственных возможностей.

Тем не менее все описанные возрастные генерации в социокультурном отношении относят себя скорее к социалистическому, чем к либеральному проекту. При аналогичном анализе поколений «дедов», «отцов» и «детей» в исследовании 1989–1994 гг. под руководством Ю. Левады делался вывод, что между старшими возрастными группами не наблюдается открытого разлома ценностей или выбора противоположных ориентиров – лишь тенденция к поляризации предпочтений [3]. Совокупность характеристик «советского человека» лишь сдвигается к социальной «периферии», прочнее всего задерживаясь в самых старших возрастных группах («деды»), переживая кризис распада у «отцов» и заметнее отторгаясь более молодыми. Эта тенденция прослеживалась в трансформации норм отношения к труду, власти и иерархии, идеологии и обществу в целом.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ КОГОРТЫ

Поколение «детей» – это родившиеся после 1970 г.; они подростками встретили первые попытки социальных изменений второй половины 80-х годов, с их противоречиями, конфликтами ценностей и интересов, а также с начинающимися приоткрываться новыми возможностями.

В целом это пока «молчащее» поколение. Только по прошествии 10–15 лет после окончания формативного периода поколение заявляет о себе как о социальном феномене. В этом смысле о реализации потенциала мы можем говорить только относительно более старшей молодежной группы, которая приближается к 30-летию.

Процессы последнего десятилетия способствовали существенно более быстрому обновлению облика поколенческих когорт и значительной **внутренней дифференциации** генерации тех, кого называют поколением «детей». Понятно, что достаточно трудно провести четкие демографические границы отдельных качественно-отличных возрастных когорт. Тем не менее для целей сравнительного анализа можно условно выделить две возрастные подгруппы на основании основного критерия – **исторически-специфического опыта в формативном периоде**: когорту начала – середины 70-х и когорту конца 70-х – начала 80-х годов (*поколение «икс»*).

Старшую молодежную когорту можно назвать молодежью начала реформ. Хронологически это те, кто родился в начале – середине 70-х годов. Период их ранней социализации (10–15 лет) совпал с началом перестройки (1985 г.) и периодом активной публичной критики исторического наследия «отцов». Главным социализирующим фактором для этой когорты можно считать изменение ситуации в области СМИ, прорыв информационной блокады и лавинообразное нарастание бума низвержения ценностных нормативов прошлого и прежней системы власти. Для подрастающего поколения такое низвержение происходило, прежде всего, в сфере неформального общения: через разговоры в семье, со сверстниками. Молодое поколение как наиболее чувствительное стало главным объектом интенсивного и целенаправленного идеологического воздействия. С другой стороны, система образования того времени, в рамках которой формировалась когорта, была все еще по инерции ориентирована на советскую идеологическую систему. Только в конце 80-х из школы исчезли привычные атрибуты пионерской и комсомольской организации.

Всеобъемлющее и нарастающее отрицание по отношению к традиционным ценностям родительских поколений, главные из которых – патерналистское государство, пренебрежение благосостоянием во имя общего блага, коллективизм, антизападный настрой, – составляет специфику ценностного излома этой когорты на рубеже 80–90-х годов, формирует ценностный нигилизм как характерную черту. В интервью с представителями этой когорты основной мотив выбора жизненного пути формулируется, прежде всего, как отказ от ценностей родительского поколения – нежелание «жить так, как жили родители».

В начале 90-х им было 15–20 лет. Когда открылись новые экономические возможности частного предпринимательства и быстрого обогащения, эта когорта отказалась от долговременных образовательных планов. В начале 90-х (1990–1993 гг.) резко упали конкурсы в вузы, престиж высшего образования как такового. Большинство вступило на рынок труда, минуя этап получения высшего образования, и уже на старте жизненного пути получило преимущества на рынке труда благодаря открывшемуся широкому выбору новых рабочих мест, связанных с мелким предпринимательством. В результате в конце 90-х когорта несколько отличается от других групп своего поколения по показателям занятости на местах технического и обслуживающего персонала (на 6% больше) и по более низким показателям безработицы.

В конце десятилетия (в 2000 г., когда молодым людям по 25–30 лет и они переходят в разряд молодых взрослых) материальное положение этой возрастной группы оказывается существенно выше, чем в начале десятилетия. По уровню материального благосостояния это самая выигравшая возрастная группа за последнее десятилетие. Около половины опрошенных в ней считают, что они уже адаптировались к переменам и ожидают дальнейших «перемен к лучшему» в благосостоянии. Большинство выступает за переход России к рыночной экономике [8].

В целом когорту можно назвать **нигилистской**, поскольку она полностью отвергла как постматериалистические ценности ро-

дательского поколения, так и их образовательные и статусно-ориентированные стратегии. В результате когорта оказалась выигравшей на рынке труда и в уровне доходов, она удачно адаптировалась к рыночным отношениям. Однако она не стала носителем иных инновационных матриц или моделей в социокультурном смысле, это, скорее, разрушитель старых – когорты негилистов.

Самая юная группа – поколение «икс» – это те, кто родился в конце 70-х – начале 80-х и чей формативный период падает на десятилетие экономических реформ 90-х, в течение которого государственная и социальная системы приобрели качественно иные черты.

В настоящее время таким молодым людям около 20 лет и меньше, и большая часть из них еще находится в рамках системы образования. Самую юную возрастную группу пока невозможно описать в достаточно обоснованных социологических понятиях, можно обрисовать только ее потенциальные возможности, исходя из тенденций, выявленных при исследовании более старших возрастных групп, и анализа общих исторических предпосылок формирования ее возможных отличий от предыдущих поколений.

Для описания общего гипотетического образа этого поколения методически правомерным будет использование подхода известной французской исследовательницы Аттиас-Донфу, которая писала, что «конфронтация и оппозиция присущи возникновению любого нового поколения, которое, чтобы существовать, должно стремиться к автономии и обособляться от предыдущего поколения. Так вырисовываются первые контуры социального образа поколения. Отношение или контротношение дается предыдущим поколением, этим отношением оно порождает новую сменяющую ее группу людей, которая требует определения и пополнения своего собственного образа» [9, с. 13].

Наиболее важными отличиями этой возрастной группы от более старших являются:

1. Социально-исторические условия социализации юной молодежи. Это первая генерация, которая не имеет возможности сравнивать потенциальные преимущества и слабости двух социальных систем на основании собственной практики, тем более что и родительский опыт (так же как и опыт предыдущих поколений) не является в ней основой для воспроизводства и теряет свою ценность в новых условиях. Поэтому ориентации «на прошлое» или ностальгия по нему фактически отсутствуют.

Повседневный жизненный опыт когорты в формативный период складывался на фоне растущего демонстративного неравенства в доходах, в уровне и стилях жизни. Возникли номинально высокие возможности «потребительского выбора» (вместо привычной в течение десятилетий ситуации товарного дефицита) при недоступности многих товаров для большинства из-за реального низкого уровня жизни.

Произошла ликвидация символической «границы» между Россией и остальным миром как с точки зрения информационной блокады (включая литературу, средства массовой информации, новые информационные технологии, быстрое появление и распространение рекламного бизнеса, а теперь и Интернета), так и с точки зрения реальной возможности для выездов за рубеж. Долгое время такое «пересечение границы» существовало вне мира повседневности для большинства советских людей.

Расширился круг социальных возможностей для индивидуальных «выборов» (включая, например, выбор образовательной системы, выбор места жительства и т.д.), что привело к отказу от патерналистского типа сознания. Как тенденция это уже присутствовало в ориентациях более старших возрастных когорт.

2. Образовательная ситуация. В 90-е годы советская система, в том числе и образовательная, была основательно разрушена. Государство, находясь в состоянии аномии, впервые за многие десятилетия не могло оказывать организованного идео-

логического воздействия на становление будущих поколений. Образование из единой общегосударственной системы превратилось в механизм воспроизводства социального неравенства в подрастающих поколениях. Социологические данные зафиксировали изменение в образовательных мотивациях поколения «икс». В области ориентаций на высшее образование «общекультурная мотивация» уступает место «узкопрофессиональной мотивации» у 15–20-летних. На место целевой ориентации (высшее образование как цель) приходит ориентация на образование как на средство достижения других, прежде всего профессиональных и материальных целей [1]. Исходя из этого, образовательный потенциал поколения «икс» уже существенно отличается от более старших возрастных групп.

3. Ослабление влияния традиционно-социалистического проекта на общественное сознание. Длительный период постепенного разрушения старого паттерна закончился полным его отторжением в когорте нигилистов (25–30 лет) и ожиданием появления «нового».

4. Ориентации в области профессиональной деятельности. Приоритетной становится прагматическая ориентация поколения «икс» на «интенсивный труд и материальный достаток» и «ориентация на открытие собственного дела». Эти две позиции самые молодые выбирают существенно чаще, чем 25–29-летние и чем в среднем по массиву. Самая молодая группа (в данных Л.А. Хахулиной – молодежь до 24 лет) оказалась наиболее реалистично настроенной по отношению к рыночным реформам.

Новые условия периода социализации создают возможности и предпосылки для формирования в рамках самой юной группы молодежи иного социокультурного паттерна, качественно отличного от предыдущего, социалистического проекта, в рамках влияния которого все еще находятся все представители более старших возрастов.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОКОЛЕНИЙ: РЕАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В результате существенных различий в первоначальном человеческом потенциале и приобретенном за последнее десятилетие жизненном опыте современные жизненные позиции возрастных когорт в обществе существенно различаются. Различия касаются, прежде всего, характера и степени адаптации к социальным переменам, что проявляется в типах адаптивного поведения.

16–29-летние:	<i>«Я живу, как и раньше, – для меня в последние годы ничего особенно не изменилось»</i> – почти каждый четвертый (23%) придерживается этой позиции;
30–39-летние;
40–49-летние:	<i>«Мне приходится «вертеться», хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь»</i> – почти каждый второй (43 и 45%) в этих группах придерживается данной позиции;
50–60-летние;
старше 60 лет:	<i>«Я свылся с тем, что пришлось отказаться от привычного образа жизни; жить, ограничивая себя в малом и большом»</i> – подавляющее большинство выбирают эту позицию (ВЦИОМ, май 2001 г., выборка 2407 человек).

Все представленные типы поведения относятся скорее к приспособленческим, пассивно адаптивным. Тем не менее фактически все возрастные группы придерживаются качественно различных типов приспособительных стратегий. Понятно, что молодежная когорта почти не имела опыта «доперестроечной» жизни, поэтому каждый четвертый придерживается позиции «ничего не изменилось». Средним возрастным когортам, находящимся в стадии активного участия в социальных процессах, приходится «много вертеться», с чем и связано их ощущение ранней социальной усталости. Старшие возрастные группы вынуждены придерживаться стратегии «минимальных затрат для выживания», отсюда их пессимизм и состояние «выброшенных за борт социальной жизни», о котором говорилось выше³.

³ Исследование ВЦИОМ «Мониторинг 2001 – май». Выборка 2407 человек.

Достижительную позицию «Мне удалось использовать новые возможности, чтобы добиться большего в жизни» выбирает существенное меньшинство по всем возрастным группам, при этом данный показатель с возрастом постепенно снижается с 13% в молодежной группе до 0,6% в самой старшей возрастной группе (в среднем по массиву – 7%).

Какие же генерации в результате оказались наиболее успешными в процессе социальных перемен? В таблицах 2 и 3 приводятся самооценки представителей разных поколений относительно их профессиональных и жизненных достижений в сравнении с родительским поколением.

Таблица 2

Отношение к утверждению: «Я более успешен в карьере, чем мои родители в моем возрасте» (N = 1638 человек) (%)*

Вариант ответа	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Согласен	46,7	59,0	52,5	52,0	48,6
Не согласен	43,5	34,2	37,7	35,4	28,1
Затрудняюсь ответить	9,8	7,8	9,8	12,6	23,3

* Источник: ВЦИОМ, Экспресс-10. 1998. 13–18 августа.

Таблица 3

Отношение к утверждению: «Я более счастлив, чем мои родители в моем возрасте» (N = 1638 чел.) (%)*

Вариант ответа	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Согласен	34,1	42,1	29,8	29,6	36,2
Не согласен	43,4	38,1	36,5	41,8	37,3
Затрудняюсь ответить	22,5	19,8	23,7	28,6	26,5

* Источник: ВЦИОМ, Экспресс-10. 1998. 13–18 августа.

Как и можно было предположить, наиболее успешными себя ощущают 30–39-летние. Момент вхождения на рынок труда совпал для них с ситуацией открывшихся широких социальных возможностей, за счет этого они получили социальный шанс наиболее полно реализовать свой человеческий потенциал.

Более высокий образовательный (табл. 4) и человеческий потенциал людей старших возрастов (прежде всего, по уровню жизненного опыта) не был адекватно реализован. Поколение попало в «расщелину» социальных перемен, было лишено социальных возможностей и поэтому не относит себя к успешным.

Таблица 4

Образовательные характеристики респондентов (%)

Образование	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Начальное или ниже	0,6	0,4	2,0	4,2	19,2
Неполное среднее	15,3	9,2	16,9	37,0	55,4
Среднее (школа или ПТУ)	41,2	32,8	36,0	23,2	5,2
Среднее специальное (техникум)	20,7	42,4	30,2	16,9	9,5
Незаконченное высшее (не менее трех курсов вуза)	4,2	3,8	1,5	0,7	0,0
Высшее	18,0	11,4	13,4	18,0	10,7

В данном случае сказалось расхождение между собственным человеческим потенциалом поколений и социальными условиями для их реализации. Выиграли те, кто имел исторический шанс воспользоваться представленными новыми возможностями.

Согласно высказыванию К. Мангейма, каждое социальное время полифонично, каждое поколение «озвучивает» всякий момент времени на свой лад [5, с. 16].

Исходя из этого, закономерны различия в отношении разных поколений к наиболее острым современным социальным проблемам.

Таблица 5

Выбор респондентами высказываний, наиболее точно описывающих нынешнее отношение «отцов» и «детей» (%)

Высказывание	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Не могут понять друг друга, у них разный опыт жизни	18,6	18,5	20,6	20,8	27,9
Могут понять друг друга, поскольку живут в одной стране	51,5	58,4	47,4	48,9	43,9
Хорошо понимают друг друга	19,2	16,8	24,7	20,4	15,2
Проблемы «детей» и «отцов» вообще не существует	7,5	2,5	5,5	4,9	6,5
Затрудняюсь ответить	3,2	3,8	1,8	5,0	6,5

Таблицы 5 и 6 демонстрируют существенные межпоколенные расхождения в оценке одних и тех же явлений, особенно заметные при сравнении крайних возрастных групп – самой молодой и самой старшей. В обществе происходят существенные социокультурные перемены, связанные, прежде всего, с его растущей открытостью и вхождением России в глобальное мировое пространство. Об этих переменах можно судить по изменению в нормативно-ценностных ориентирах общества. Сам механизм такого изменения носит, скорее всего, «фазовый» характер, то есть захватывает в первую очередь молодых людей, постепенно распространяясь на более старшие возрастные группы [3, с. 20–21]. Поэтому одни и те же социальные явления (или,

Таблица 6

**Эмоциональная оценка острых социальных явлений
«отцами» и «детьми» (%)***

Характеристика отношения	Какие чувства вызывают у вас люди с портретом Сталина?		Какие чувства вызывают у вас люди со свастикой, призывающие очистить Россию от иногородцев?		Какие чувства вызывают у вас люди, разбогатевшие за последние 10 лет?	
	18–29 лет	60 лет и старше	18–29 лет	60 лет и старше	18–29 лет	60 лет и старше
Уважение	8,3	20,4	7,8	2,5	22,3	1,3
Симпатия	1,7	15,3	4,2	2,0	14,7	2,0
Сочувствие	26,8	14,8	4,2	2,1	2,0	0,1
Зависть	0,2	0,0	0,8	0,0	17,3	3,1
Раздражение	24,4	10,0	23,0	13,9	13,5	33,4
Гнев, возмущение	9,0	7,0	40,6	52,9	11,4	38,0
Страх	3,2	1,6	9,4	15,7	2,1	4,8
Трудно сказать	30,5	33,0	21,7	17,9	24,0	21,7

* Данные ВЦИОМ, Исследование по программе «Советский человек», 1999. Выборка 2000 чел. Респонденты могли выбирать более одного ответа.

точнее, носители этих явлений) в разных слоях общества, прежде всего возрастных, – вызывают различные реакции. То, что вызывает активное негативное (протестное по сути) чувство социального «гнева, возмущения» у людей старших возрастов, отзывается скорее только «раздражением» у молодых. В молодых возрастных группах нарастает политическая либерализация общественного сознания и расширение круга социокультурной толерантности по сравнению с более старшими, что свидетельствует об общем векторе социокультурных изменений в обществе в сторону либерализации. Это касается также области межпоколенных отношений: молодые люди более толерантны в своем видении таких отношений, чем старшие. Вместе с тем необходимо отметить, что либерализация молодежных взглядов не касается новых социальных проблем, связанных с

«людьми кавказской национальности» и «бомжами». Относительно этих явлений «раздражение» молодежи даже выше, чем у людей старшего возраста. Это свидетельствует о том, что толерантность по отношению к политически окрашенным явлениям не совпадает с толерантностью по отношению к социально ущемленным социальным группам (милосердием).

По степени интереса к политике и политической активности старшие поколения, воспитанные в рамках социалистического проекта, почти не различаются (табл. 7). Исключение составляет молодежная генерация, которая испытывает существенно меньший интерес к политическим проблемам, что является подтверждением общего движения общества в сторону деполитизации и «приватизации» социальной жизни.

Таблица 7

Отношение к политике (N = 2000 человек) (%)*

Вариант ответа	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Интересует	7,8	13,4	13,8	14,9	15,1
В средней степени	33,2	34,7	36,7	39,6	23,4
Не интересуется	59,0	51,9	49,5	45,5	61,5

* Данные ВЦИОМ, проект «Советский человек», 1991, 1. Выборка 2000 человек.

Характерен и еще один обобщенный показатель вектора социального выбора поколений. При выборе идеальной модели на будущее между «обществом равенства» (коллективистский проект) и «обществом успеха» (индивидуалистический проект) все старшие возрастные группы выбирают социалистический вариант – «общество равенства». Только те, кому 18–23 года, делают качественно иной выбор: 64% против 36% респондентов этого возраста выбирают «общество успеха», тогда как «ближайшая» возрастная группа 24–29-летних колеблется между выбором одной из систем – 48:42%. Все более старшие группы отдают предпочтение «обществу равенства» (рис. 1).

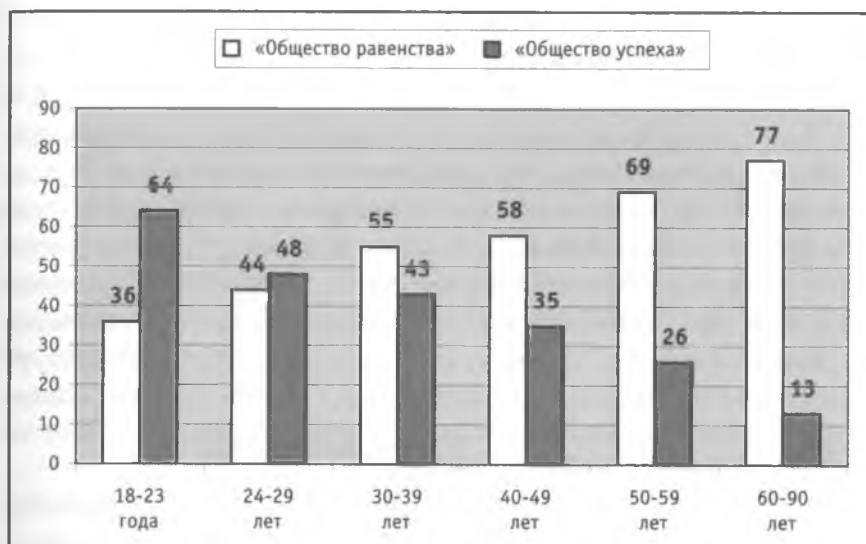

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «В каком обществе вы хотели бы жить?»

(Данные ВЦИОМ, исследование по программе «Советский человек», 1999, N = 2000 человек. В % к числу опрошенных в соответствующей группе [7, с. 24]).

Таким образом, на основании межпоколенного сравнения отслеживаются основные векторы социального движения общества: в сторону большей толерантности, нормального состояния «приватизации» социальной жизни и в сторону общества достижительной ориентации – характеристики любого демократического общества западного типа.

В целом поколенческая дифференциация современного российского общества – один из наиболее существенных факторов социальной дифференциации; фактически это стратификация общества по возрастному признаку, поскольку в одно социальное время сосуществуют люди с весьма неоднородным социальным опытом, что далеко разводит их социальные установки и позиции. Является ли это базой для межпоколенных конфликтов в современном российском обществе?

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

С точки зрения межпоколенных отношений массовое социальное самочувствие возрастных когорт определяется в понятиях солидарности / конфронтации и зависит от преобладания той или другой составляющей. Поскольку ценностную матрицу всех более старших поколений (начиная с 30-летних) мы определили как общую, генетически относящуюся к так называемому социалистическому проекту, то в этом смысле социокультурная консолидация старших генераций очевидна. Такая консолидация становится основой для межпоколенной солидарности и стабильности на ближайшие годы.

Вместе с тем, в общественном сознании преобладает мнение, что отношения между старшим поколением и молодежью за последние годы стали хуже, чем 10–15 лет назад. Так считает в среднем 59% опрошенных (см. таблицу 8).

Таблица 8

**Оценка изменений в межпоколенных отношениях
за последние 10–15 лет (N = 1600 человек) (%)***

Мнение об изменениях в отношениях	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Стали лучше	9,4	7,1	3,5	4,7	4,8
Стали хуже	47,6	57,7	58,7	62,9	66,6
Не изменились	33,2	29,7	30,2	24,3	20,4
Затрудняюсь ответить	9,8	5,5	7,6	8,1	8,2

* Источник: ВЦИОМ, Экспресс-16. 1998. Декабрь.

С одной стороны, за прошедшее десятилетие в целом усилился уровень конкурентности между различными социальными группами, в том числе и по возрастному признаку. В частности, это остро проявилось на рынке труда, где требования к ра-

бочей силе четко коррелируют с возрастными характеристиками, и на этой основе происходит дискриминация по возрастному принципу более зрелых и опытных по сравнению с более молодыми.

С другой стороны, люди старших возрастов более категоричны в своих оценках относительно молодого поколения, чем молодые – относительно старшего. Таблица 8 демонстрирует большую толерантность со стороны молодых и более жесткую нетерпимость в отношении проблемы «отцов» и «детей» со стороны старших.

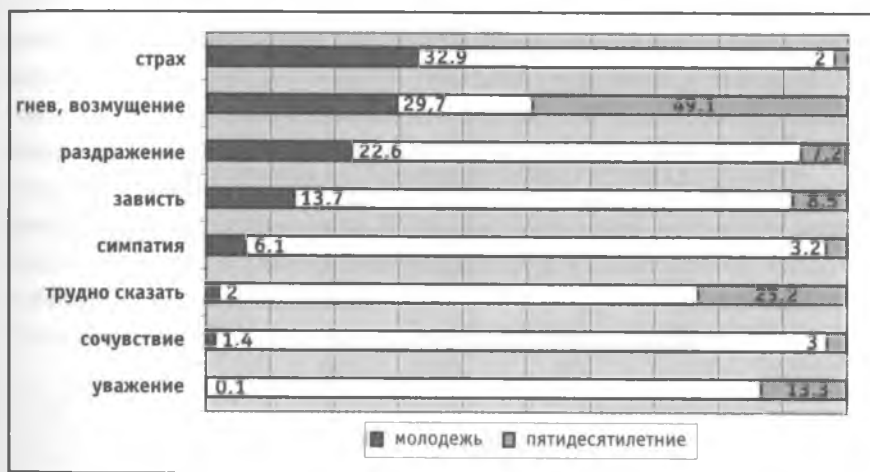

Рис. 2. Эмоциональные отношения молодежи и 50-летних друг к другу

Рисунок 2 показывает что эмоциональное отношение молодежи к 50-летним не только более позитивно, но и характер таких оценок различен. Молодежь для поколения «родителей» не только объект «раздражения», но и объект «страха» (13,3%). Социологические данные свидетельствуют, что в ряду всех возможных «страхов» современного общества страх, вызываемый молодежью, сравним только со страхом перед людьми со свастикой (13%). С одной стороны, это свидетельство естественного чувства конкурентности по отношению к следующей генера-

ции, которая замещает все социальные позиции уходящего поколения (логично поэтому, что в группе старше 60 это ощущение страха перед молодым поколением несколько слабее, чем в группе 50–59-летних). С другой стороны, иная культурная парадигма, которая, как мы отмечали, нарастает с приходом молодого поколения, вызывает чувство отторжения (своеобразной социальной «фобии» по отношению к «чужому»), и потому естественна социально-эмоциональная реакция «страха» перед незнакомым, неведомым.

Таким образом, межпоколенный конфликт, о котором говорилось выше, вырисовывается как несколько односторонний: более выраженное позитивное чувство уважения и симпатии молодых к старшим при более интенсивной нетерпимости старших по отношению к молодежи. В понятиях межпоколенных контактов современную ситуацию можно обрисовать следующим образом: определенная солидарность между старшими поколениями общества при односторонней конфронтации всех более старших по отношению к молодому поколению. Самые молодые в данном случае, скорее, – «объект» межпоколенного конфликта, чем его «субъект» или носитель протестных отношений.

ОЦЕНКА МЕСТА ГОСУДАРСТВА В МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Представления массового сознания относительно межпоколенных отношений в публичной сфере (как отношения между разновозрастными группами) и в сфере частной жизни (как отношения между поколениями в семье) зачастую не совпадают. Неприятие и отторжение социокультурных установок молодого поколения в публичной сфере может сосуществовать с солидарностью и взаимопомощью поколений в рамках отдельных семейных союзов (отношения поколения «отцов» и «детей» в рамках семьи).

Так, исследование ВЦИОМ в 1999 г. выявило, что представители старшего поколения, при всем неприятии культурных ценностей молодежи, в старости рассчитывают, прежде всего, на помощь своих детей и внуков, т.е. на внутрисемейную солидарность поколений (табл. 9). В отличие от более старших самые молодые, которые только входят в фазу активной социальной жизни (18–29-летние), в будущем рассчитывают вовсе не на «семейную солидарность», а прежде всего на собственные силы – 39% из них предполагают в старости жить на собственный заработок и накопленные сбережения. Весьма показательно, что люди средних возрастов, которые ближе молодых к пенсионному периоду, вообще не имеют представления об источниках материального обеспечения в старости. Более того, находящиеся в самом актив-

Таблица 9

Оценка источников материального обеспечения в старости

(ответы на вопрос: «Как вы думаете, будет ли ваше положение в старости не хуже, чем сейчас? Если не хуже, то за счет чего?»),

N = 1600 человек (%)*

Ответ	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Буду работать и достаточно зарабатывать	27,1	15,8	8,6	3,8	2,4
Буду получать достаточно высокую пенсию	5,6	6,1	4,5	3,8	4,2
Буду жить на сбережения, накопленные в течение жизни	12,1	7,9	3,2	5,8	6,0
Рассчитываю на помощь детей и внуков	7,8	12,3	13,8	15,4	19,8
Рассчитываю на другие обстоятельства	10,7	13,5	18,1	31,2	28,3
Не знаю, доживу ли до старости	15,6	19,9	26,8	14,8	8,8
Затрудняюсь ответить	13,5	16,8	14,9	18,1	24,3

* Источник: ВЦИОМ, Экспресс-10, 1999.

ном жизненном возрасте (40–49-летние) пессимистически считают, что вообще не доживут до старости (26,8%). При этом самые старшие оказываются группой, более всего рассчитывающей на внутрисемейные сети взаимной поддержки и ожидают этого прежде всего от своих детей и внуков.

Наиболее показательно здесь то, что ни одна из возрастных групп всерьез не рассчитывает на государственную систему пенсионного обеспечения. Только 5% в каждой из групп ориентированы на этот общественный источник материального обеспечения в старости. Это означает, что публичная форма «солидарности поколений», осуществляемая обычно через систему государственной политики, которая в других странах определяется как социальный контракт или справедливое распределение между поколениями, в настоящее время в России отсутствует. Такой взаимообмен если и существует, то скорее в области частной жизни и внутрисемейных отношений как взаимная материальная и моральная поддержка старших и младших членов семьи.

В ситуации разрушенной государственной системы социальной защиты старости межличностные сети взаимной поддержки и обмена остаются в общественном сознании для старших поколений единственным существенным источником материальной поддержки в старости. При этом молодые вообще не рассчитывают на какую-либо помощь со стороны других и надеются только на себя. Положение средних поколений, которые не имеют собственных накоплений и не рассчитывают на чью-либо помощь в будущем, оказывается наиболее пессимистическим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что описанные «взрослые» поколения, несмотря на различия в историческом опыте и жизненном пути, инерционно находятся под влиянием «социалисти-

ческого проекта», хотя оно ослабевает в зависимости от возраста. В культурологическом смысле старшие возрастные когорты традиционны, и потому консолидированны. Наиболее молодая часть среднего поколения – 30–40-летние – также тяготеет к этому проекту и даже испытывает некоторую ностальгию по нему. Хотя именно она наиболее удачно из всех взрослых когорт адаптировалась к новой ситуации и добилась определенных социальных достижений.

Внутри поколения «детей» это колебание между традиционной и инновационной социокультурными моделями особенно заметно, поскольку циклы их ранней социализации падают на разные социально-исторические ситуации. Обособление и специфические черты раннего социального опыта самой молодой группы (до 25 лет) позволяют предположить, что в ее рамках имеются предпосылки для формирования на базе этого типа качественно иной социокультурной модели, хотя одних предпосылок явно недостаточно. В данном случае речь идет об определенном **социокультурном потенциале поколения**. Но говорить о формировании «нового поколения» можно только тогда, когда **собственный потенциал дополняют социальные возможности** для его реализации.

В культурологическом смысле речь идет о возможном будущем противостоянии «старого» или «старых» поколений, консолидированных вокруг одного социального проекта и испытывающих в большей или меньшей степени ностальгию по прошлому, и нового, формирующегося в условиях иной социальной практики. В современной ситуации социологические данные фиксируют только предрасположенность поколения «икс» к формированию на его базе «иной» социокультурной ориентации.

В связи с этим именно самую юную возрастную группу можно считать возможным источником межпоколенной конфронтации в обществе. Подобная конфронтация находится пока в зачаточном состоянии, поскольку «новое поколение» – еще на стадии вхождения во «взрослое» общество. Тем не менее его

теперешние ориентации и социальные предпочтения формируют основу для нарушения поколенческой консолидации более старших когорт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Константиновский Д.Л., Хохлушкина Ф.А. Формирование социального поведения молодежи в сфере образования // Социологический журнал. 1998. № 3-4.
2. Коровицына Н.В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М.: Логос, 1999.
3. Левада Ю. От мнения к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
4. Магун В.С. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи (1985–1995). М.: Ин-т социологии РАН, 1998.
5. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000.
6. Седов Л. Проблема смены политических элит: поколение «next» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 3).
7. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан, 1993.
8. Хахулина Л.А. Динамика отношения к рыночной экономике (анализ молодежных когорт начала и конца 90-х годов) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 1.
9. Attias-Donfut C. Rapports de generations et parcours de vie // Colloque «Biographie et cycle de vie». 1989. № 5.
10. Mannheim K. The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge. L.: Routledge and Kenan, 1952.
11. Rosenmayer L. Age, Life Span and Biography. L.-N.-Y.: Tavistock, 1979.